

«Где двое или трое...»

В центре парусного корабля возвышается мачта. А в центре европейского города возвышается шпиль собора. Соборный колокол пугает по воскресеньям птиц и мешает спать тем, кто не любит молиться. Вокруг собора, чаще всего — квадратом, расположена площадь.

В зависимости от времени года она бывает то местом народных собраний с духовым оркестром и выступлением мэра, то местом оживлённой торговли. Да мало ли чем может быть мостовая, на которую с четырёх сторон смотрят чисто вымытые окна? Во все стороны от площади убегают узенькие улочки. Дома на них стоят столь близко, что солнечный луч бывает редким гостем на стенах первых этажей. Сыростью и древностью пахнет на этих улицах, если, конечно, хозяйка не вылила прямо перед вашим носом грязную мыльную воду или кухонную лохань с рыбьей чешуёй. Сейчас такое случается редко, но раньше...

Та история, которую я хочу рассказать, случилась именно «раньше». Это было между двумя мировыми войнами, которые, по правде, стоило бы назвать бойнями. Жизнь была бедная, злая и неуверенная. Люди в те годы стали криво ухмыляться при словах

«честность», «благородство»... Всем не хватало денег, все не доверяли друг другу и на ночь крепко запирали двери. В городском храме службы шли регулярно, и люди ходили на них регулярно, но это была холодная регулярность. Точно так же и стрелки часов на башне ходят по кругу, оставаясь мёртвыми.

Впрочем, было в этом городе несколько человек, которые по временам молились очень истово, со слезами и подолгу. Это были несколько «девочек» из заведения мадам Коко. Да, господа! В каждом европейском городе, наряду с парикмахерскими, кафе и ателье верхней одежды, непременно есть хотя бы один дом, войти в который можно по одной лестнице, а выйти — по другой.

Это — дом свиданий, весёлый дом или публичный — называйте как хотите. Если есть человеческое жильё, то могут быть и паразиты: грызуны, насекомые... Если есть цивилизация, то есть и одно из её проявлений — древняя язва, неистребимое зло — проституция. Как-то окунувшись в разврат, кем-то обманутые, часто — задавленные нуждой, женщины, живущие в таких домах, никогда не остаются без работы. Потому-то и не совпадают там зачастую вход и выход, что незачем, краснея, встречаться в дверях соседу с соседом или профессору со студентом.

Жизнь в этих домах начинается тогда, когда в обычных жилищах мамы рассказывают детям на ночь сказки. А когда те же дети просыпаются утром и мамы выливают за дверь в канаву их ночные горшки, в «тех» домах наступает мёртвая тишина. Неестественная жизнь имеет свой неестественный график.

Во всём доме только несколько человек бодрствовали с наступлением утра. Это сама мадам Коко (никто не знал, когда она спит), уборщица и сторож, он же — дворник и вышибала. Уборщица, мадам N, мыла полы, громко шлёпая о пол мокрой тряпкой. Сторож, мужчина лет сорока, в прошлом — цирковой акробат, молча курил в углу прихожей. Рядом с ним, беззаботно болтая не достающими до земли ножками, сидела его дочь. На вид ей было лет шесть. Это было щуплое, слабо развитое дитя, похожее на маленького воробышка. Звали её грозно. Звали её так же, как некогда звали умную женщину, спасшую свой народ от врагов.

Во многих галереях мира вы при желании увидите в разные времена и разными художниками написанные картины под названием «Юдифь с головой Олоферна». Девочку звали Юдифь, но на языке её страны имя звучало несколько иначе — Эдит.

Картинной галереи в их городе не было. Но даже если бы и была, Эдит не смогла бы увидеть изображений

своей знаменитой тётки. Эдит была слепа. Её глазки смотрели прямо перед собой, но ничего не видели.

Женщины в доме мадам Коко любили девочку страшно. Вся нерастраченная жажда семьи, материнства, вся

жажда дарить, а не продавать любовь изливалась на эту слепую девочку. Её тискали, прижимали к груди, её носили на руках, причёсывали, её баловали сладостями.

«Если бы можно было купить ей новые глазки, я не пожалела бы всех своих денег», — говорила подругам долговязая Элизабет. Её собственная дочь жила в другом городе у бабушки. «Мы бы все не пожалели», — вторили ей женщины. Их любовь к Эдит была неподдельной. В этом доме, где грех обжился лучше любой ласточки, забравшейся под крышу, маленькая Эдит, казалось, воплощала ту нормальную жизнь, где женщина вечером ложится в постель к мужу и просыпается утром.

Мы уже говорили, что «воспитанницы» мадам Коко временами молились горячо и подолгу. Обычный человек вряд ли поймёт, что такое молитва проститутки, да лучше бы ему этого и не понимать. Но ведь Страшного Суда ещё не было. И не мы, а Христос, Тот Самый, Который распялся за нас, будет этот Суд вершить. Эти женщины тоже любили Спасителя. Любили хотя бы за то, что Он не карает их немедленно, не испепеляет после очередного греха, но терпит и продолжает ждать. Вера жила в них на самой глубине сердца, и они стыдились выпячивать её наружу. Но по временам раскаяние вздымалось волнами, обнажая дно души, и слёзы лились рекой, и горькие вздохи нельзя было слышать без содрогания. Это было нечасто и не у всех. Но это было, видит Бог, было.

Человек, зарабатывающий на жизнь в ночном заведении, вряд ли часто будет молиться в городском храме. Особенно если городок мал и все лица знакомы. Но неподалёку от этого городка был другой, кажется — Лизьё. В этом городе был монастырь, а в монастыре — мощи святой подвижницы. Святыня привлекала в обитель толпы паломников, среди которых было легко затеряться. Туда и ходили время от времени молиться и долговязая Элизабет, и курносая Жанна, и ещё несколько их подруг по ремеслу и несчастью.

Есть, конечно, вещи, которые трудно забыть. Но чаще всего забывать легче, чем помнить. Никто уже не вспомнит, как и когда к необычным паломницам пришла мысль согласно и усиленно молиться Господу о даровании зрения маленькой Эдит. Но ведь не родились же эти женщины сразу блудницами. У них были обычные матери, и эти матери читали своим дочерям Евангелие. Даже если они были неграмотны, они пересказывали детям то, что слышали в церкви. Так или иначе, обещание Спасителя исполнить любую просьбу, которую двое или трое согласно принесут Отцу во имя Его, падшим женщинам было известно.

Солнце уже встало, но ещё не начало припекать, когда аккуратно и скромно одетые трое «воспитанниц» мадам Коко уходили из города в направлении ближайшей обители. Рядом с ними, смешно перебирая ногами и держась за руки взрослых, шла Эдит.

Существует одно старое и святое предание о некой блуднице, которая, возвращаясь домой после совершенного греха, увидела мать, рыдающую над только что умершим младенцем. Сострадание прожгло сердце падшей женщины. Невыносимую боль этой матери она почувствовала как свою — и начала молиться. Она, конечно, сознавала, кто она; она знала, как не любит Бог разврат сынов и дочерей человеческих. Но боль сострадания покрыла собою всё, отменила стыд, прогнала сомнения, зажгла веру. Настойчивой была молитва и краткой...

Краткой — потому, что после нескольких горячих просьб блудницы Господь ответил чудом, Он оживил дитя. Дивны дела Твои, Господи!

Боже вас сохрани не верить в правду подобных историй. Это значило бы, что вы презираете грешников и не верите, что Бог может слушать их молитвы. А может быть, вы вообще не верите в силу Божию?

Лично я верю. Верю и в то, что было очень давно, и в то, что было гораздо позже. А позже было вот что.

Несколько дней спустя по дороге из монастыря в город возвращались три женщины из дома мадам Кокко. С ними, держась за руки взрослых, шагала маленькая Эдит. Она уже не смотрела прямо перед собой невидящими глазами.

Она то и дело вертела головой в разные стороны и смотрела на придорожные деревья, на птиц в небе, на прохожих, идущих навстречу.

Девочка возвращалась зрячей. Она ещё не привыкла к такой значительной перемене своей жизни и удивлённо, снизу вверх, заглядывала в лица своих старших попутчиц. А те отвечали ей взглядами, полными любви. Глаза у всех троих были красными от слёз, а лица сияли счастьем.

Если эта история не на сто процентов совпадает с действительностью, то неточности будут касаться лишь мелких деталей. По сути всё сказанное — правда. И правда эта тем более очевидна, что девочка, прозревшая по молитвам падших женщин, известна всему миру. Помните, в начале мы сравнили её с маленьким воробышком? Именно по этому прозвищу узнал её впоследствии весь мир. Эдит Пиаф — её сценическое имя. «Пиаф» на парижском аргю как раз и означает — «воробышек».

Протоиерей Андрей Ткачев

